

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Т.Е. ЛИТВИНЕНКО

**ИНТЕРТЕКСТ В АСПЕКТАХ ЛИНГВИСТИКИ И
ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ТЕКСТА**

МОНОГРАФИЯ

Иркутск
2008

УДК 811.111
ББК 81

Печатается по решению редакционно-издательского совета Иркутского государственного лингвистического университета

Литвиненко Т.Е.

Интертекст в аспектах лингвистики и общей теории текста: монография. – Иркутск: ИГЛУ, 2008. – 308 с.

Научный редактор: доктор филологических наук, профессор
А.М. Каплуненко

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор
С.Г. Воркачев;
доктор филологических наук, профессор
Г.Д. Воскобойник

Монография представляет собой научно-теоретическое издание, посвященное изучению лингвистических аспектов интертекста и интертекстуальности, рассмотренных в свете новых исследовательских подходов современной теории текста. Книга адресована специалистам в области общего и романского языкознания, а также преподавателям, аспирантам и студентам филологических факультетов и вузов.

ISBN 978-5-88267-264-4

© Литвиненко Т.Е., 2008

Литвиненко Татьяна Евгеньевна

Интертекст в аспектах лингвистики и общей теории текста

Монография

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 24.12.2007 г.
Формат 60x84 1/16

Усл. печ. л. 19.0
Тираж 500 экз.
Заказ № 430

664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 8
Иркутский государственный лингвистический университет

Изготовлено ООО «Репроцентр А1»
г. Иркутск, ул. Ленина, 1, оф. 101
тел. 203-144

ВВЕДЕНИЕ

Неизменный интерес лингвистики и общей теории текста, проявляемый к проблемам интертекста и интертекстуальности на протяжении последних десятилетий, есть показатель общей тенденции развития наук новой гуманитарной парадигмы – их стратегического перехода к изучению сложных междисциплинарных объектов.

Анализируемый в этом качестве интертекст позволяет по-новому рассмотреть вопросы, связанные с коммуникативной природой, средствами создания и референциальным потенциалом текста; оценить роль интертекстуальности в процессе получения, языкового оформления, хранения и передачи знаний о мире и человеке. Находясь в ракурсе комплексного исследования, интертекст дает возможность углубленного изучения продуктов дискурсивной деятельности *homo loquens* и обеспечивает доступ к пониманию лингвистических закономерностей их порождения.

Кроме того, обращение к проблемам интертекста позволяет заполнить ряд лакун современной лингвистики и теории текста, что способствует развитию понятийного аппарата данных отраслей филологического знания. К числу таких проблем относятся: установление четких критериев определения вербального текста, обеспечивающего целостность и внутрисистемное единство осуществляемых интертекстуальных исследований; а также выработка системного подхода к определению интертекста как члена группы «– текстов» – группы выраженных производной лексикой специальных понятий, являющихся частными объектами названных научных дисциплин.

Предлагаемое исследование показывает, что теоретические аспекты интертекстуальности не могут изучаться в отрыве от анализа принципов категоризации текстов. В связи с этим в книге называется набор признаков и создается прототипическая категория текстов, чья структура определяется действием двух базовых ментальных операций: метафоры и метонимии.

В ходе дальнейшей работы проводится анализ термина «интертекст» как производного полисемичного имени и дается теоретическое обоснование его многозначности. Вводится понятие парадигмы «– текстов», изучаются факторы, детерминирующие deriva-

ционное значение ее членов, в том числе интертекста. Дается характеристика интертекстуальности как универсального признака вербального текста.

Наряду с этим в монографии показана обусловленность генезиса специального концепта *интертекст* процессом эволюции метафор филологического дискурса. Установлены основные критерии отбора и осуществлена классификация интертекстуальных единиц, обеспечивающая учет всех видов показателей межтекстовых связей. Проведено разграничение доминантных и факультативных претекстов интертекста и продемонстрированы их особенности как референтов разных уровней сложности, дискурсивной принадлежности и иерархической соотнесенности.

Материалом для интертекстуального анализа послужили две взаимосвязанные группы текстов:

- 1) корпус произведений аргентинских авторов XX века Хорхе Луиса Борхеса и Хулио Кортасара, взятый в полном объеме;
- 2) рассматриваемые в качестве претекстов первой группы произведения художественного, религиозного, философского, политического, историографического, научного, публицистического и иных дискурсов на испанском и ряде других языков, а также претексты, восходящие к древнегреческим и древнекитайским религиозно-философским источникам и к индейскому фольклору до- и постколумбовой эпохи.

Результаты предлагаемого исследования могут представлять интерес для филологов, специализирующихся на изучении не только текста и интертекста, но и любых других видов «— текстов» или их объединений с лингвистических позиций.

Данные, полученные при анализе вербальных и невербальных единиц межтекстового взаимодействия, могут быть использованы при изучении строения и коммуникативных возможностей интертекстов как репрезентантов различных жанров и дискурсов.

Разработанные принципы исследования текста как мультиреферентного образования могут найти применение при установлении основных и периферийных прецедентных текстов, их верификации и выявлении их роли в создании интертекстов определенной лингвокультуры.

Выводы, сделанные в ходе интертекстуального анализа латиноамериканских художественных текстов, могут быть полезны при

изучении литературного дискурса испаноязычных стран региона, в частности при выявлении особенностей структуры латиноамериканской художественной картины мира и способов вербального представления ее концептов.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРТЕКСТА

1.0. Текст и «– текст» как интертекст. К постановке проблемы

Изучение текста как сложного мультиреферентного образования – культурно-языкового репрезентанта фрагмента мира и фрагментов текстов, – безусловно, относится к тому типу научных задач, которые допускают определение «вечная». Первично сформулированная еще в античности применительно к поэтическому и сакральному Слову, разграничившему философско-религиозное знание древних на эстетическое учение о мимезисе и семиотическую концепцию образа и подобия, задача анализа текста как знака, фиксирующего специфику собственного генезиса, стимулировала развитие длительной традиции, возобновленной во второй половине прошлого века французской исследовательницей Ю. Кристевой.

Опираясь на корпус предшествующих филологических изысканий и, прежде всего, на труды М.М. Бахтина, Ю. Кристева разработала учение об интертекстуальности, согласно которому «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст» есть включение «и трансформация какого-нибудь другого текста» (Кристева 2004 [1966]: 167).

В этой, ставшей уже классической «интертекстуальной» дефиниции текста автором были эксплицированы два основных положения ее теории, в которой, во-первых, нашел отражение явный приоритет в оценке важности референциальных связей по линии «текст – текст», не уступающих по значимости связям «текст – действительность». А во-вторых, был заявлен универсальный характер интертекстуальных отношений, на что затем неоднократно указывала исследовательница. Ср.: «всякий текст представляет собой» перераспределение компонентов «других текстов, интертекстуальность; в пространстве того или иного текста перекрещиваются и нейтрализуют друг друга несколько высказываний, взятых из других текстов» (Там же: 400).

Оба эти положения – референциальное и универсалистское – были практически полностью поддержаны большинством последо-

вателей Ю. Кристевой, воспользовавшихся не только созданным ею термином, но и появившимся позже «интертекстом». Так, в не менее авторитетном определении, данном тексту Р. Бартом, утверждалось, что «каждый текст является интертекстом», в котором тексты предшествующей и окружающей его культуры присутствуют в виде более или менее узнаваемых цитат (Barthes 1973). А в самом известном из тридцати тезисов об интертекстах, опубликованных в 1982 г. Ш. Гривелем, прямо указывалось на то, что «нет текста, кроме интертекста» (цит. по: Grivel 1997: 68).

Между тем, общий для всех специалистов в данной области постулат о взаимосвязи каждого текста с другими текстами и их неперенной взаимной обусловленности, нуждается, на наш взгляд, в ряде важных уточнений. Продиктованы они, главным образом, тем, что в результате бурного развития как теории интертекстуальности, так и всего комплекса наук о тексте, термины «текст» и «интертекст» были за последние годы неоднократно переосмыслены, они стали чрезвычайно многозначными. Вследствие этого стандартная формула тождества «текст = интертекст» в ряде случаев перестала расцениваться как истинная, утратив внутреннюю идентичность своих членов. Оказалось, что вместо двух постоянных по значению величин мы имеем дело с двумя списками переменных, взаимная подстановка которых с обеих сторон далеко не всегда возможна.

Данное обстоятельство побуждает нас начать настоящее исследование с обсуждения более общего, фундаментального вопроса о том, что же такое текст, отметив, однако, что он представляет для нас не только самостоятельный интерес. Он необходим нам также и в более узком, прикладном аспекте, а именно для того, чтобы понять, все ли единицы, получившие в современной науке имя «текст», могут быть также названы «интертекстами».

Решение этого вопроса, в свою очередь, неотделимо от проблемы использования термина «текст» в создании специальной словообразовательной модели, конструктивно оформленной по типу «препозитивный терминологический элемент + – текст».

Обращение к данной модели, не привлекая, к сожалению, до сих пор достаточного внимания исследователей, объясняется в нашем случае также рядом факторов. Не считая собственно ономастических причин, связанных с выявлением черт образуемого

на основе этой модели знака, оно было обусловлено ее необычайной продуктивностью. И действительно, терминологически «обслуживая» современный научный дискурс, данная модель, наряду с интертекстом, реализуется в более чем пятидесяти аналогично построенных дериватах, мотивированных структурно и семантически.

Актуализируясь как особые формы языковой «упаковки» – единицы получения, хранения, обработки и систематизации нового знания о текстах (по Е.С. Кубряковой), термины, объективированные в виде производных слов с единой моделью и единым мотивирующим формантом, демонстрируют явное лингвистическое сходство.

Так, форма и содержание каждого производного термина оказываются не только согласованными в виде особого вербального композита, но и сохраняют свою внутреннюю расчлененность, оптимальную для передачи его мотивированного значения. Кроме того, производный знак значительно расширяет свои лингво-семиотические возможности, реализуя не только стандартный – номинативно-репрезентативный – потенциал, но и функционируя как своего рода дескрипция, эксплицирующая признаки и свойства объекта.

Все это, несомненно, становится возможным благодаря двойной обращенности термина-деривата, соотносимого и с объектом мира действительности, и со словами естественного языка, включающего и корпус специальной лексики. Знание же этих двух «онтологий» позволяет понять и объяснить каждый новый производный термин. Причем сделать это, учитывая не только его «отдельное», «индивидуальное», «внепарадигматическое» значение, но и значение «серийное», «формульное», деривационное, моделируемое по определенным словообразовательным правилам.

Применительно к нашему исследованию все сказанное выше означает, что интертекст следует рассматривать не только как «текст», но и как «– текст». Иными словами, он должен изучаться не только сам по себе, вне группы «– текстов», но и как один из ее константных членов, в которой каждый, определяя отдельный признак текста, расширяет общее представление о нем.

Говоря же о подобном расширении, нельзя не упомянуть об еще одном важном аспекте поднимаемой проблемы. Речь идет о пансемиотическом повороте, осуществленном в гуманитарных